

Ярослав Вежбиньски

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СТИЛЕМ "ТИХОГО ДОНА" М. ШОЛОХОВА

Среди наименее разработанных проблем эстетики социалистического реализма остаются вопросы поэтического своеобразия, средств художественной выразительности, индивидуального стиля, образно-языковой системы произведений советских писателей. Перечисленные вопросы нуждаются в дальнейшем освещении в силу своей значимости, так как они составляют интереснейший материал для определения эстетической позиции писателя, дают представление о поэтическом богатстве каждого художника, помогают выделить то неповторимое, что определяет новаторскую сущность художественного творчества. С этой точки зрения особый интерес представляет анализ эстетического своеобразия творчества М. Шолохова.

В представленной работе затронуты лишь отдельные стороны этой объемной и сложной проблемы. Исследовательский лейтмотив статьи составляет анализ характера и особенностей шолоховского стиля на примере романа-эпопеи "Тихий Дон".

В литературоведении имеются различные толкования не только понятия "стиль", но и его слагаемых. На наш взгляд, стиль художественного произведения, определяющий его своеобразие, особенности творческой индивидуальности писателя, выражает собой единство, взаимодействие различных компонентов художественной формы таких как средств выразительности, изобразительности и структурно-композиционных элементов произведения. Концепция стиля как синтеза художественных образов в произведении, композиционной структуры, словесных средств выражения, поэтической речи наиболее полно раскрывает различные функции элементов стиля. Но и во взаимодействии и синтезе этих элементов художественной формы есть

своя внутренняя особенность, которую обуславливает стилевая доминанта.

Что же определяет стержень стиля шолоховского романа?

Общепризнанным является то положение, что доминанту стиля, например, Л. Толстого составляет "диалектика души", или же новые формы повествования - у М. Горького. В романе "Тихий Дон" М. Шолохова стилевую особенность создает ощущение внутренней гармонии. Эта согласованность во многом обусловлена наличием в каждой главе произведения особого стилового центра. Этот стилового центр создается в повествовательной речи романа благодаря наличию особой формы психологического анализа, которая у Шолохова выступает в виде несобственно-прямой речи. В ней постоянно переплетается авторская речь с речью персонажей. В художественной литературе несобственно-прямая речь обычно звучит монологической или диалогической формой психологического анализа. В "Тихом Доне" несобственно-прямая речь не исчерпывается только этими способами изображения героев.

Отметим, что монологическая форма психологического анализа по своей природе аналитична; она дробит, расцепляет состояние того или иного героя, изображает раздумья героя в виде его размышлений про себя; диалогическая же - вводит второй голос (посторонний или внутренний героя). "Шолоховская же форма психологического анализа, которую мы условно называем «хоровая» - замечает Л. Киселева - собирает, синтезирует, сливает отдельные настроения и ощущения в единое, цельное состояние данного героя вообще, хотя и звучит одновременно разными оттенками, заключенных в ней голосов и смыслов"¹. Киселева утверждает, что "это - новая, особенная, более укрупненная и расширенная форма психологического анализа, который и неуклонно выводит героя в мир, включает в самые широкие связи с ним"². Например: "Нет, нет, Григорий положительно стал не тот!"³, или же об Аксинье: "Видно, и ее, такую сильную, сломили страдания" (II, 721). "Хоровая" форма

¹ Л. Киселева, К характеристике стиля "Тихого Дона" (т. IV), [в:] Михаил Шолохов. Статьи и исследования, ред. Г. И. Ломидзе и др., Москва 1975, с. 143.

² Там же, с. 117-118.

³ М. Шолохов, Тихий Дон. Роман в четырех книгах, т. II, Москва 1975, с. 392. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

психологического анализа особое значение приобретает в конце произведения, в тот момент, когда Григорий прибыл в родной курень: "Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына [...] Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще раднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром" (II, 733).

Следует подчеркнуть, что "хоровое" начало в шолоховском романе представляет собой единственную форму психологического анализа, которая отвечает содержанию произведения. Она создает ощущение новой гармонии мира, которая не лишена противоречий, острых коллизий, но те постоянно "снимаются" истиной века. Момент преодоления, снятия вековой коллизии заключен в сложной полифонии "Тихого Дона". В романе ощутимо звучание ряда голосов. Автор обладает одним из них. В совокупности они ищут возможностей преодоления всех противоречий.

В создании стиля шолоховского романа важную функцию выполняют и лирические отступления. В них выделяется глубокая потребность выразить авторское восприятие, отношение к жизни, например: "Рви, родимая, на себе ворот последней рубахи! Рви жидкие" от безрадостной, тяжелой жизни волосы, кусай свои в кровь искусанные губы, ломай изуродованные работой руки и бейся на земле у порога пустого куреня! Нет у твоего куреня хозяина, нет у тебя мужа, у детишек твоих - отца, и помни, что никто не приласкает тебя, ни твоих сирот, никто не избавит тебя от непосильной работы и нищеты..." (I, 475). Очевидно и в этой особой форме психологического анализа, кроме авторского голоса, слышится суждение других персонажей и голос самой жизни. Все это накладывает своеобразный отпечаток на слог эпопеи, придает пластическую выразительность образу. "Хоровое" начало ощутимо и в лирических обращениях, например: "Степь родимая! [...] Родимая степь под низким донским небом! [...] ковыльный простор с затравевшим гнездоватым следом конского копыта, курганы, в мудром молчании берегущие зарытую казачью славу... Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей, не ржавеющей кровью политая степь!" (II, 50).

Если говорить о тех качествах, которые преломляются в шолоховском стиле, то кроме внутренней гармоничности романа в целом, своеобразных приемов психологического анализа, надо выделить

редкую целостность образов, которой добивается художник, сплавления воедино эпическое начало с лирическим. Шолоховский эпос, дающий многогранную картину народных судеб, сам исторический процесс, включает в себя и облик повседневности и в то же время глубокие раздумья и переживания личности. Шолохов нашел новый синтез лирического и эпического. Стройность эпопеи в том, что в ней нет разностильности, план повествовательный и лирический составляют единый образ.

"Это время гудит [...] в сердце было в моем"⁴ - заявляет В. Маяковский во вступлении к поэме "Хорошо!". Эти строки получили значение своего рода манифеста советской поэзии. В романическом жанре эта особенность была творчески усвоена, в числе первых, Шолоховым.

Своеобразие шолоховского стиля проявляется и в постоянном соотношении мира человеческих чувств и мира природы. Например: "Огрубело сердце, зачерствело, словно солончак в засуху, и как солончак не впитывает воду, так и сердце Григория не впитывало жалости" (I, 362). Внешне предметное и внутренне-духовное сближаются по самому характеру проявления. Соединенные вместе, они воздействуют как бы с удвоенной силой. Несомненно, что такой прием представляет собой новое проникновение во внутренний мир героев. Сам стиль романа создает ощущение, что мир людей и мир природы - это единые истоки жизни. Если шире рассматривать эту особенность, то следует подчеркнуть, что в стиле шолоховского романа-эпопеи осуществляется всесторонняя, живая связь всего со всем. Речь идет об универсальной связи, о единой природе всего сущего. В стиле произведения выявляются связи между всеми материальными и идеальными явлениями. В этом плане, в природе шолоховского стиля, в частности в параллели между землей, человеком и небом следует увидеть новое решение. Если в произведениях Л. Толстого, небо, зачастую, явление неземной, непостижимой для человека природы, то у Чехова все явления - слагаемые одной природы. Между ними нет еще взаимодействия, так как не завязались новые эпические связи в мире. В "Тихом Доне" Шолохова эти единые истоки жизни уже взаимодействуют. Создается таким образом картина проникающих друг в друга явлений: неба, земли, человека.

⁴ В. Маяковский, Сочинения в трех томах, т. III, Москва 1973, с. 257.

Например: "...пшеничная россыпь звезд гнула на сухом, черноземно-черном небе, не всходя и не радуя ростками" (II, 50), когда на одно явление (небо) перенесены признаки другого (земли).

Особый интерес Шолохова к подробностям жизни человека и явлений природы обуславливает предметность авторского анализа. Каждый образ, который изображается в произведении, состоит из сочетания отдельных деталей. Изображение персонажей, например, строится из портретных деталей, из деталей-поступков, психологических деталей. Эта предметность образов ощутима и через показ непосредственной связи человека со средой, с народом. Истоки этой предметности находим в многокрасочном мире природы, в трудовой практике казачества, в бытовой обстановке. Например: "Левобережное Обдонье, пески, енды, камышистая непролазь, лес в росе - подыхали исступленным холодным заревом. За чертой, не всходя, томилось солнце. В мелеховской курене первый оторвался ото сна Пантелей Прокофьевич. Застегивая на ходу ворот расшитой крестиками рубахи, вышел на крыльцо. Затравевший двор выложен росным серебром. Выпустил на проулок скотину. Дарья в исподнице пробежала доить коров. На икры белых босых ног мозоливым брызгала роса, по траве через баз лег дымчатый примятый след" (I, 10-11).

В создании стила "Тихого Дона" существенное значение имеет сближение поэтики Шолохова с поэтикой устно-народного творчества. Поэтика шолоховских произведений складывалась под непосредственным влиянием народной эстетики. Критик А. Горелов замечает, что "Влияние поэтики устного народного творчества на его [шолоховскую - Я. В.] поэтику в полной мере проявилось уже в "Донских рассказах"⁵. На наш взгляд, эта особенность наиболее ярко проявляется в стиле "Тихого Дона".

В поэтическую ткань эпоса вплетаются песни, пословицы, поговорки, сказки, заговоры, сказы, причитания, прибаутки - все это приобретает свою значимость в произведении и формирует его стиль. Вопрос о сближении поэтики Шолохова с поэтикой устно-народного творчества нельзя однако рассматривать упрощенно. Л. Якименко подчеркивает, что "проблема - Шолохов и фольклор - не

---

⁵ А. Горелов, "Тихий Дон" М. Шолохова и русское народное поэтическое творчество, [в:] Михаил Шолохов, Ленинград 1956, с. 113.

может быть сведена к влиянию, заимствованию, усвоению и т. д."⁶. Критик указывает на тот факт, что многие литературоведы удовлетворяются в своих работах внешне схваченным сходством шолоховских образов с фольклорными, а этого недостаточно. В этом плане он полемизирует с А. Гореловым, И. Кравченко, В. Гурой, которые внешне сопоставляли образы "Тихого Дона" с образами, запечатленными в фольклоре. Иной раз интерпретация этих образов - замечает исследователь А. Бритиков - "представляется весьма прилизительной, а то и просто превратной"⁷.

Следует здесь подчеркнуть, что стиль шолоховского произведения формируют все элементы его образно-языковой системы, т. е.: символы, метафоры, сравнения, образные олицетворения, параллелизмы. А. Бритиков считает, что автор "Тихого Дона" решительно предпочел сравнениям метафоры, а метафорам - символы, как тропы более емкие и многозначные"⁸. В своем многообразии они дают возможность по-разному осмыслить один и тот же образ. В стиле романа передают неповторимость и богатство реальных связей, например: "Столь невоинствен был вид возвращавшихся в сотню дезертиров, что даже жаворонки, отзвенев в голубом разливе небес, падали в траву около проходившей полусотни" (II, 233); "Шла [полусотня - Я. В.] по песчаным разливам бурунов, по сиявшему малиновому красноталу" (II, 232); "Из-за Дона, с верховьев, со всех краев шли вести о широком разливе восстания" (II, 165). Образ "разлива" в контексте произведения получает самое различное значение. В художественном тексте он выполняет прежде всего изобразительную функцию.

В объемном стиле шолоховской эпопеи синтезированы русский литературный язык и устно-поэтические, разговорные формы языка. Благодаря этому Шолохов добивается редкостной гармонии мысли и слова. В художественной речи произведения автор "Тихого Дона" использовал лексические, фонетические и другие особенности донского говора. Это однако не означает, как утверждают некоторые ли-

⁶ Л. Я к и м е н к о, Творчество М. А. Шолохова, Москва 1970, с. 415.

⁷ А. Б р и т и к о в, Метафоры и символы в концепции "Тихого Дона", [в:] Творчество Михаила Шолохова, Ленинград 1975, с. 227.

⁸ Там же, с. 229.

тературоведы, будто Шолохов употреблял диалектизмы стихийно. Неправ в этом отношении был К. Ряшанцев. Исследователь В. Ветвицкий, доказывая неубедительность и бездоказательность точки зрения К. Ряшанцева, пришел к выводу, что литературное творчество М. Шолохова "характеризуется целеустремленным употреблением диалектизмов как в речи персонажей, так и в повествовании от автора"⁹. Диалектизмы в шолоховском произведении используются в качестве средства характеристики персонажей, как средство воссоздания событий, бытовой обстановки казачества. Абсолютно необоснованным является и положение Л. Левина, который, анализируя стиль эпопеи Шолохова, пришел к выводу, что в первом томе произведения "тот язык, на котором говорили персонажи романа, почти совпал [...] с авторской речью"¹⁰. В четвертом томе - заключает Л. Левин - авторская речь очень изменилась, из нее выпали те речевые особенности, которые совершенно неуместны в языке автора и тем самым увеличилась дистанция между писателем и его персонажами.

Следует подчеркнуть, что особенностью языка романа "Тихий Дон" является его народная основа. Писатель дает новую жизнь многим словам и выражениям. Он смело и решительно переводит многие слова из просторечия в литературный язык. Слово, взятое из разговорного языка, обретает в повествовательной речи автора новые смысловые оттенки и значения. Если слово "диковинный" толкуется в словарях как "необыкновенный", "удивительный", то в авторской речи Шолохова оно расширяет свои значения, например: "Хутор терялся в догадках, подыскивая объяснение таким диковинным поступкам..." (I, 8) или Григорий "подолгу перебирал в памяти пролетевшие годы своей диковинно и нехорошо сложившейся жизни" (II, 552). Во втором случае слово "диковинно" скорее выступает в значении "странный", "непонятный".

Характерными признаками шолоховского стиля являются напевность, свободная ритмическая организация речи, которая создается, например, приемом повтора: "По недоступному голубому разливу не-

⁹ В. В е т в и ц к и я, Диалектизмы как средство создания местного колорита в романе М. А. Шолохова "Тихий Дон", [в:] Михаил Шолохов, Ленинград 1956, с. 167.

¹⁰ Л. Л е в и н, Из темы о "Тихом Доне", "Литературный современник" 1941, 5, с. 129.

бесплыли, плыли, уплывали на север, обгоняя облака, ватаги казарок, станицы медноголосых журавлей (II, 219). Другие приметы стиля романа - это его лаконизм, динамика речи, точная лексика, синтаксическая гибкость, подбор сильных изобразительных средств, музыкальность речи - все это воспринимается как высокая ступень поэтической культуры.

Особый интерес в произведении представляет речь героев, которая отражает особенности уклада жизни, среды, характеров людей, времени. Она социально-исторически и локально определена, служит средством социально-психологической характеристики. Мать Григория, получив от него письмо, зашла к Аксинье: "Прислал письмоцо наш, порадовал матерю, сулился на побывку приятить. На-кось, соседушка, почитай, и я ишо разок послушаю" (II, 598). Пантелей Прокофьевич, узнав, что фронт все ближе продвигается к Дону, решает отступить. Григорий он говорит: "Я тогда поеду с дедом Бесклубновым, он надьсь приглашал ехать за компанию. Старик он смиренный, и конь у него добрячий, вот мы спрягемся и дунем на пару. Моя кобыла тоже стала из жиру вон. Так, проклятая, разъелась и так взбрыкивает, ажик страшно!" (II, 530). В речи героев находим ряд просторечий, диалектных выражений, особенностей донского говора, обладающего особой устойчивостью в силу исторических причин. В народной речи героев звучат различные эпитеты: "сиз голубок" (II, 577), "мил человек" (II, 575), "цветок мой лазоревый" (II, 112), "соколик" (II, 123), "кровинушка моя" (II, 324), "дружечка моя" (II, 442) и ряд других. Роман обогащает фольклорные обращения в речи героев: "...я их, сынов-то, родила, вспоила, вскормила..." (II, 198); "Вспоила, вскормила, ночей смолоду на спала..." (II, 365). Все это делает слог эпопеи отчетливо индивидуальным.

Язык, вся система средств художественной выразительности в романе сориентирована на раскрытие богатства русской речи в ее полноте и характерности. При всем своеобразии особенностей стиля в романе-эпопее "Тихий Дон", Шолохов - подлинный ревнитель русского слова.

Стиль произведения в совокупности всех элементов художественной формы, начиная от слова, способа построения образа и т. д. - это выражение эстетического мировосприятия Шолохова. В нем преломляются перспективность, историческая конкретность, ощущение

ние новой гармонии мира, которая и обуславливает внутреннюю стилистическую согласованность в структуре "Тихого Дона".

Институт русской филологии
Кафедра русского языка
Лодзинский университет

Jarosław Wierzbński

UWAGI NAD STYLEM CICHEGO DONU M. SZOŁOCHOWA

Artykuł stanowi próbę interpretacji stylu *Cichego Donu* M. Szołochowa na podstawie najnowszych prac badaczy radzieckich. Autor uważa, iż naczelną zasadą stylową dzieła jest jego harmonia wewnętrzna, zarówno treści jak i formy. Każdy rozdział powieści zawiera swoiste centrum stylistyczne przejawiające się w narracji dzięki specyficznej formie analizy psychologicznej, występującej u Szołochowa pod postacią mowy pozornie zależnej, której polifonia stwarza szerokie możliwości w sposobie ukazania bohatera.

Wśród relacji składających się na spójną całość utworu właśnie ta forma analizy psychologicznej pozwoliła w sposób nowatorski odsłonić nowe związki i zależności rodzącej się rzeczywistości, co w konsekwencji złożyło się na przełamanie konwencji stylistycznej w literaturze radzieckiej i określiło swoistą organizację materiału językowego w *Cichym Donie*.

Specyfika stylu powieści Szołochowa przejawia się również w dygresji lirycznej, w której narrator najbardziej zbliża się do literackiego ekwiwalentu osoby pisarza i wyraża swój emocjonalny stosunek do zdarzeń. Styl *Cichego Donu* cechuje wszechstronność w ukazaniu świata przedstawionego, jak również nieustraszone odniesienie świata ludzkich uczuć do świata przyrody. Poetyka *Cichego Donu*, rozumiana tutaj jako swoista forma wypowiedzi literackiej kształtująca przede wszystkim styl utworu, pozostaje w ścisłym związku z poetyką ludową, z folklorem dońskich Kozaków, co nadaje powieści szczególny koloryt i ekspresję. Styl *Cichego Donu* charakteryzuje melodyjność, dowolność w rytmicznej organizacji mowy, lakoniczność, dynamizm, precyzja słowa, co decyduje o wysokim poziomie artystycznym eposu.